

Светлана Мулина, Наталья Суворова

Каким мы видим старый сибирский базар, изучая современные «этнические» рынки

Svetlana Mulina, Natalia Suvorova

(both – Dostoevsky Omsk State University, Russia)

How we see the old Siberian Bazaar, studying modern «ethnic» markets

DOI: 10.31857/S0869568722010289

Авторы рецензируемой монографии хорошо известны как специалисты по трансграничным миграциям, локальным сообществам и «этническим» рынкам¹. Многолетние (в том числе полевые) исследования позволили им, опираясь на широкий спектр теоретических подходов, всесторонне описать проблематику места и роли базара в городском сообществе. Исследование «этнических» рынков в столь широкой проблемной плоскости неизбежно поставило вопрос об историческом пути сибирского базара – на вопросы о функциях современного рынка, его участниках, механизмах, практиках формирования и функционирования нельзя полноценно ответить без понимания их генезиса. По мнению авторов, это позволяет «выйти и на массу других важных проблем постсоциалистического транзита» (с. 24–25).

Описание исторической динамики сибирского рынка уместилось в одной небольшой главе и получилось достаточно схематичным. Однако, с нашей точки зрения, эта часть монографии является одной из важнейших, поскольку в ней не только охарактеризована специфика генезиса сибирского открытого («китайского») рынка, но и выявлена преемственность «базарных» традиций с точки зрения участников, деловых практик и территориального расположения. Фактически нить истории старого ба-

зара протянута до сегодняшних дней, а базарная площадь с её обитателями представлена как вневременная составляющая меняющегося города. Основанием для выстраивания столь «долгой» истории базара стало переселенческое общество Востока России, сохраняющее, по мнению авторов, такие принципиальные черты, как малочисленность, разбросанность культурно и этнически неоднородного населения, высокая миграционная мобильность в условиях одновременно плохо развитых внутренних коммуникаций и доступности трансграничных контактов, малочисленности городов (с. 25).

Взгляд из современности в прошлое естественен для историков, но, фокусируя внимание на постсоветских рыночных реалиях провинциальных городов, исследователи сталкиваются с проблемами допустимости использования единой терминологии, сопоставимости хронологических, страновых, региональных и типологически схожих примеров. Сама процедура поиска – «узнавания» и «сопоставления» – нового и старого базара превращается в самостоятельную исследовательскую проблему, порождая «постановочный и спекулятивный» (с. 28) характер изложения материала.

Одна из терминологических проблем исследования – соотношение понятий «рынок» и «базар». Авторы,

¹ Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брызгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Оттиск, 2019. 288 с.

вслед за В.И. Далем, ставят между ними знак равенства, полагая, что эти понятия на раннем этапе подменяли друг друга. Обыватели, власть, исследователи действительно нередко уравнивали базар и рынок, особенно когда речь шла не о конкретном месте торговли (в городской топонимике места торга, как правило, имели устойчивые наименования: центральный базар, летучий рынок, чёрный базар и т.д.), а о явлении. Понятия «рынок» и «базар» смешиваются и в ряде других языков. Вот, например, как выглядело описание сибирского базара польским ссыльным XIX в. в переводе на русский язык: «Площадь (*rynek*) в каждом городе бывает достаточно и даже очень обширной. Посередине этой площади (*rynku*) стоит большое деревянное здание, вмещающее в себе магазины различных товаров: текстильных, кожаных, тканевых, галантерейных, табачных... Эта площадь (*rynek*), где раз в неделю проходит торг (*targ*), называется базаром (*bazarem*). Так называют и здание с магазинами, стоящее на площади (*rynku*), и каждый еженедельный торг (*targ*) или годовую ярмарку (*jarmark*)»². Несмотря на то что в переводе мы развели смысл слов «*rynek*», «*targ*», «*bazar*», каждое из них можно перевести как «рынок» или «базар».

Но есть другой момент, на который не обратили внимание исследователи: возможно, существовала разница между базаром и рынком с точки зрения правовых критериев, например, официально присвоенных им прав торговли? Подобное различие, например, имелось между ярмарками и торжками. Торжки учреждались в селениях, на них должны были продаваться только изделия, относящиеся к крестьянскому быту. На ярмарках же торговле предоставлялась неограниченная свобода³. Наличие отличий между рынком и базаром подтверждает и то, что эти два понятия часто разводились в дело-

производственной документации. Например, в начале XX в. Нижегородская дума приняла документ «О внутреннем распорядке на рынках и базарах», а в отчёте за 1908 г. указала, что в городе существует восемь базаров и два рынка, не пояснив разницы между ними⁴.

Исторические трансформации советской, постсоветской и (в гораздо большей степени) несветской (рыночной) экономических систем разводят «базар» и «рынок» на уровне реальных практик, ценностей и традиций. В частности, базар «характеризуется незначительным («предефицитным») объёмом предложения товаров, произвольным установлением цен с тенденцией к их росту при любой динамике спроса, ограниченным ассортиментом и низким качеством товаров (при их внешнем изобилии), отчуждением производителя от покупателя». При этом «базар и рынок не разделены непреодолимой стеной. Базар способен (при наступлении ряда условий) эволюционировать в рынок; последний, в свою очередь, может превратиться в базар»⁵. Эти уточнения напрашиваются и при определении старых сибирских базаров: все ли они «доросли» до рынков; можно ли уже на досветском этапе выделять «ещё базары» и «уже рынки»?

Значительную смысловую нагрузку несёт и обозначение периодов трансформации «базара—рынка» в пространстве старого сибирского города: позднеимперский («рынок поздней империи») или дореволюционный, а далее — советский, постсоветский (постсоциалистический). Действительно, в зависимости от задач исследования на «старый базар» можно смотреть с имперского ракурса — как на инструмент «стягивания», «сшивания» колонизируемых пограничных территорий. Этот ракурс охватывает проблему этничности и позволяет исследовать её с точки зре-

ния и участников, и товаров обмена, и образов базара в массовом сознании современников. Обозначение периода как «дореволюционного» подчёркивает принципиальное отличие новых советских / социалистических экономических практик от досоветских. Однако базары оказались самым живучим элементом «старой» системы торговли и снабжения, сохранив в чрезвычайных условиях войн и революций устойчивость и обеспечив преемственность традиций «вольной торговли» (с. 41).

Реконструкции истории базара имперской России действительно препятствует недостаток информации. Для современников это явление было привычно и поэтому не стало предметом отдельных описаний. «Растворившись в повседневности, рынки становятся малозаметны, обыденны, внешне понятны. И в этом смысле они оказываются не просто уходящей, но ускользающей натурой, расположенной “на самом видном месте”, а потому незаметной» (с. 12). Редкие зарисовки на страницах воспоминаний или печати позволяют лишь говорить, что базары играли значительную роль в экономике отдельных домохозяйств, решая проблему повседневного питания. Из них же можно почерпнуть образы. Так, обязательные атрибуты сибирских базаров — грязь, толстый слой навоза, прилавки, лавчонки, шалаша. Газеты Томска начала XX в. писали, что на базарных площадях и около толкучек туалеты содержались «в высшей степени антисанитарно» и далеко «давали о себе знать специфическим запахом». А главная базарная площадь, сильно унавоженная, загрязнённая, оставалась очагом заразы «даже в благоприятное от холеры время»⁶.

Гораздо сложнее описать институциональный статус и участников базарной экономики. Можно лишь предположить, что жители посещали рынок регулярно — в торговые дни,

а значит, имели устоявшийся маршрут, знакомых продавцов, определённые модели поведения на рынке. Даже для политических ссыльных походы на рынок приобретали упорядоченность: «В воскресенье на рассвете все поляки, ведущие своё хозяйство, каждый с корзиной, сходились на рынке» и в определённом порядке, начиная с мяса, обходили ряды, запасаясь провизией⁷. Это позволяет говорить не столько о «рыночном хаосе», сколько о «правилах игры», отрепетированных ролях и мизансценах, хорошо описанных авторами монографии применительно к современному базару и совершенно не изученных применительно к базару позднеимперскому.

Базар в пространстве города и его событийная жизнь, очевидно, не ограничивались исключительно товарообменом. Он становился центром городской жизни, где многолюдно и интересно. Один из современников вспоминал, что Мокринский базар в Омске был местом, где можно дёшево и вкусно поесть: «За десяток пельменей, сваренных при мне и посыпанных красным перцем, я платил 1 коп.; за чашку сладкого горячего сбитня — 1 коп. и за крупинчатый калач — 1 коп.; если у меня была ещё 1 копейка, то покупал на неё десерт — 4 превосходных медовых пряника или стопку маковников, сваренных тоже на меду»⁸. Базарная площадь являлась также своеобразной городской сценой, на которой разворачивались не только повторяющиеся повседневные картины, но и «давались» уникальные или редкостные «представления», привлекавшие горожан. На базарной площади в Омске проводили порки (наказания) и обряд гражданской казни. Современники нередко отмечали неподготовленность публики и властей («сценаристов») к публичным «шоу». Г.Н. Потанин при описании собственной «гражданской казни» на базарной

площади иронизировал: народ ещё не собрался, толпы за колесницей не образовалось, как и «моря голов»⁹. Не удовлетворило его и качество публики, которая «стояла только в три ряда», да и интеллигентных лиц и дамских шляпок не было. Власти, вероятно, с опаской относились к таким «сценам», поэтому выбирали «самое раннее утро», пока можно использовать саму площадь без зрителей. В зависимости от мероприятия площадь приобретала соответствующие «декорации». Для гражданской казни строили эшафот, на который преступник доставлялся на высокой колеснице, снабжённый реквизитом — «доской на грудь с надписью».

И всё же базар XIX в. как явление социальной жизни неизменно выпадает из поля зрения как современников, так и исследователей. Можно говорить лишь о позициях крупных игроков, деливших доходы от торговли. Например, в ряде сибирских городов сталкивались интересы властей и казачьих станиц. Устройство базара в Петропавловской станице на полковой площади (в подгорной части города), как и устройство Казачьего базара в Омске на фабричной площади имело неблагоприятное влияние на хозяйство указанных городов. Эти базары способствовали увеличению станичных и уменьшению городских доходов. Оба города имели много «обязательных расходов» и поэтому довольно дорого брали за торговые места, тогда как станицы, не связанные подобными расходами, просили гораздо меньше, чем неминуемо перетягивали значительную часть торговли¹⁰. В результате и в Петропавловске, и в Омске городские власти требовали либо убрать станичный базар, либо подчинить казачьи территории городскому управлению.

Торговля не всегда являлась главным фактором формирования сибирских городов. Но в любом случае базар

и рыночная площадь определяли направление развития городского пространства: стягивая его, структурируя за счёт торговых рядов, площадей, улиц, коммуникаций, выстраивая окрестности (купеческие районы, торговые улицы), а иногда и архаизируя их посредством включения в торгово-обменные процессы негородского населения, мигрантов, кочевников. Организация базарного пространства определялась функционалом города в целом, его сословным составом и экономической спецификой. Так, Омск, наполненный преимущественно военными и статскими чинами, формировался отдельными очагами — форштадтами, каждый из которых имел свой базар. Красноярск складывался вокруг Старобазарной площади с её деревянными балаганами. Однако рост города требовал расширения торговых площадей, и в 1828 г. появился высочайше утверждённый план, по которому новым общегородским центром становилась Новобазарная площадь. Но власти столкнулись с противодействием торговой верхушки, проживавшей в старой части города и пытавшейся сохранить значение прежней площади. Конкуренция двух торговых и городских центров завершилась лишь в 1860 г., когда губернатор, ссылаясь на отсутствие элементарных удобств, запретил торговлю на старом базаре¹¹.

Реакцию городского пространства на перемещение базара хорошо демонстрирует случай Петропавловска. До 1840-х гг. город сосредоточивался в подгорной местности около р. Ишим, где находились базар и гостиный двор. Подобное расположение оказалось крайне неудобно: скученность населения, частые пожары, весенние разливы. Но когда разрешили селиться на горе, переселение подвигалось туго — при крутых и неисправных дорогах жители встречали затруднение в доставке продовольственных

припасов и других предметов первой необходимости. В 1849 г., после сильного пожара, истребившего почти всю подгорную часть, генерал-губернатор распорядился перенести базар и гостиный двор в нагорную часть, что дало значительный толчок городскому строительству. Но когда в январе 1875 г. в Казачьем форштадте открылся независимый от города базар, возникли опасения, что торговля и соответствующая инфраструктура начнут сползать под гору, а развитие нагорной части задержится, поскольку её жители будут терпеть убытки¹². Эти примеры показывают влияние базаров на формирование культурного ландшафта сибирских городов и то, как различные социальные группы пытались оказывать влияние на этот процесс. Детальное изучение истории базаров позволяет анализировать социальную структуру сибирского города с нового, непривычного ракурса.

Ещё одна проблема, поставленная авторами рецензируемой монографии на примере современных «китайских» рынков, это этничность базаров, определяемая и с точки зрения присутствия на них людей разных этносов и культур, и как проблема специфических визуальных и языковых практик, их восприятия городским сообществом. Что здесь может нам дать старый сибирский базар? Отдельные упоминания позволяют предположить, что таковой и в позднеимперский период выполнял функции места встречи и диалога различных этнических групп (как проживавших на данной территории, так и пришлых). На базаре в Омске современник видел «сидящих в чучке киргизов, продающих мётлы, лопаты и корзины», в Петропавловске — бухарцев с катушками из «прекрасных шалей»¹³. В Восточной Сибири путешественникам неизменно бросались в глаза буряты. Так, в Чите на рынке разворачивался «настоящий

этнографический музей этого вымирающего племени», сохранившего в чистоте «тип древнего монгола»¹⁴. Подобные описания дают определённую возможность реконструировать этносоциальный облик городов и схемы миграционных потоков, но, увы, не позволяют исследовать взаимоотношения между покупателями и продавцами, атмосферу городского пространства.

В целом, исследование рынков в длительной исторической перспективе позволяет поставить новые вопросы, по-новому прочесть мимолётные «базарные» сюжеты. Даже при наличии незначительного фактического материала, но используя современный теоретико-методологический инструментарий, авторы смогли представить основные вехи сибирского базара до советской и советской эпох и его влияние на городское пространство и общество. Оптика, применяемая для изучения современных «этнических» рынков, позволила им отойти от традиционного взгляда на старый базар как просто специфическую форму торговли, увидеть в нём уникальное явление жизни переселенческого общества. Надеемся, что рассматриваемая монография стимулирует историков изучать базар имперской эпохи, а накопленные знания помогут сделать следующий шаг в осмыслении современных открытых рынков.

Примечания

¹ *Брягина Д.Е.* «Этнические» рынки Иркутска: ментальная репрезентация пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 122–129; *Григоричев К.В., Дятлов В.И.* «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–131; *Григоричев К.В., Тимошкин Д.О.* Базар в движении: Иркутский открытый рынок как точка концентрации мобильностей // Региона-

листика. 2019. Т. 6. № 1. С. 26–39; Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск, 2015.

² *Czaplicki F.M.* Obraz Syberyi przez F.M. Władysława Czaplickiego autora «Czarnej Księgi». Kraków, 1871. S. 88.

³ Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИА ОО), ф. 3, оп. 1, д. 1322, л. 96.

⁴ *Архинова Н.Е.* Деятельность нижегородских властей в сфере развития торговли в городе на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4–1. С. 179–182.

⁵ *Степанов А.В.* Базар и рынок в истории и современности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 3. История, филология, филология. С. 31, 32.

⁶ *Жеравина А.Н.* Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. С. 80.

⁷ *Kierdej Z.* Wspomnienia z wygnania: 1865–1874. Poznań, 1875. S. 23.

⁸ Антология Омского краеведения. Т. 3. Омск в публикациях XVIII – начала XX вв. Омск, 2020. С. 634–635.

⁹ Там же. С. 197.

¹⁰ ГИА ОО, ф. 3, оп. 8, д. 12145а, л. 99–99 об.

¹¹ *Терешкова М.* Новобазарная площадь (URL: <https://www.krasplacze.ru/novobazarnaya-ploshhad>).

¹² ГИА ОО, ф. 3, оп. 8, д. 12145а.

¹³ *Kobylecki J.* Wiadomości o Syberyi i podróże w niej odbyte w latach 1831, 1832, 1833, 1834. T. 1. Warszawa, 1837. S. 95, 124.

¹⁴ *Olechowski G.* Tam, gdzie zimno (wrażenia z podróży). Warszawa, 1930. S. 95.